

Лирика Владимира Набокова – одна из малоизученных страниц творчества писателя. Стихи всегда рождаются из глубины души, это «исповедь сердца», где многое пережито и передумано, осели впечатления невзгод и страданий. Какие бы замыслы ни строил в своём творчестве художник, как бы ни скрывал он, откуда его муза – поэзия, эта неумолкающая в груди птица, откроет в песнях тихую речку Выру, печально склонённую над ручьём иву, святое желание окунуться в родной мир, найти в нём отраду, волшебную строку. Старый

поэт найдёт себя в коротких проникновенных строчках: «Вот это Батово. Вот это Рождествено». Когда «колыбель качается над бездной», в ней с волнением растёт, восторгается окружающим миром душа поэта, миром, что зажат «двумя идеально чёрными вечностями». Невероятную силу и власть надо иметь ему, чтобы превратить впечатления детства, юности в незабываемые строки, оставить неизгладимый след.

Чем покоряет нас Набоков? Откуда «фосфорные рифмы» у поэта? В раннем творчестве у него псевдоним – Сирин, имя райской птицы с женским лицом и грудью. Но это не всё. Сирин – и сова с оперением ястреба. Зоркий глаз. Его поэт развивал, обострял с детства. Поразительна зрительная память! И в прозе, и в стихах.

Набоков находит изумительные по простоте слова, которые создают неповторимое свечение его стихам, вдохновение рождается незаметно, постепенно втягивается в волшебные, светящиеся картины прошлого, смакуется любимое слово, слышится лепет, таинственная ворожба.

Внутренняя энергия стихов находит себя в простых по выразительности, казалось, испокон веку известных каждому человеку словах, но, наполненные удивительными, чарующими слух звуками, они мгновенно притягивают к себе и уже не отпускают никогда.

Есть у Набокова, как и у многих поэтов, любимые слова, на остриях которых, по словам Блока, растянута всё стихотворение. Эти слова, часто повторяясь, не вызывают чувство досады, не притупляют сознание, а воспринимаются как нечто родное, тёплое и близкое, словно в детстве дом, речка, овраг... Его родина: белый дом, сад, жасмин, розы, орешник, липа, сирень, мощные дубы, тонкая осока, «а дале – часток-кол, рябин цветущих ряд...». Вспоминается Цветаева – «Но если по дороге – куст/ Встаёт, особенно рябина...». Здесь

он родился и вырос, играл в футбол, в шахматы, катался на велосипеде, ловил сачком бабочек... Никто не вправе упрекать человека в том, что у него такая родина, где «нет запаха конопли, вкуса парного молока»... Есть другое – мимолётная красота, её беспредельная изменчивость, утончённость, подобно крыльям стрекозы в лучах солнца.

Таким же в поэзии Набокова является слово «трепет», «трепетный», реже – «алмазный». Мягкое «т» начинает и заканчивает слово, с лёгкого божьего дуновения начинается в ребёнке жизнь, чуть коснётся ветвей ветерок – и они уже волнуются, дышат... Его можно встретить там, где «душистые листы» парка, «тропинки мшистые», «парча тонкой тины», среди «туманно-гладких туч», «трепета звёздной пыли».

Как лунный блеск,

*Он всюду – на траве, на розах, над фонтаном –
бестрепетный, а там, в аллее, вдалеке,
тень чёрная листвы дробится на песке,
и платье девушки, стоящей под каштаном,
белеет, как платок на шахматной доске...*

Характерны для поэзии земные увлечения героя: бабочки, шахматы...

Автор – сам учёный-энтомолог, открыватель. Мастер шахматной композиции, он неоднократно подчёркивал связь литературного и шахматного творчества. «Для этого сочинительства нужен не только изошрённый технический опыт, но и вдохновение, и вдохновение это принадлежит к какому-то сборному, музыкально-математически-поэтическому типу». «Меня лично пленяли в задачах миражи и обманы, доведённые до дьявольской тонкости...», «...значительная часть ценности задачи зависит от числа и качества «иллюзорных решений», – всяких обманчиво-сильных первых ходов, ложных

следов и других подвохов, хитро и любовно приготовленных автором, чтобы поддельной нитью лже-Ариадны опутать вошедшего в лабиринт». Шахматная задача – «поэзия шахмат», композитор должен обладать теми же качествами, что и любая творческая личность – «оригинальностью, выдумкой, краткостью, соразмерностью, сложностью и блистательным притворством».

Шахматная композиция – составление задач и этюдов – самобытная и своеобразная область творчества, в ней есть свои требования, законы, принципы. Важнейшие требования: оригинальность, если напечатанная задача имеет тот же замысел, то она не имеет права на существование; органическое единство, цельность произведения; принцип экономии – достижение максимального эффекта минимальными средствами; принцип чистоты цели; безграничная фантазия, стремление к совершенству; повторение как многовариантность.

В задачах, этюдах, в произведениях слова есть живая борьба фигур, свои мотивы и тактические ходы, связывание и развязывание, иллюзорная игра и ложные следы, тихие ходы и зеркальные маты, сказочность и предельная ясность темы. Зеркальный мат – вокруг короля чистые поля. «В зеркальную мглу улицы убежал последний трамвай...». Так начинается рассказ «Катастрофа». Соприкасаются два вида творчества, особенно, говорит Набоков, «с писанием тех невероятно сложных по замыслу рассказов, где автор в состоянии ясного ледяного безумия ставит себе единственные в своём роде правила и преграды, преодоление которых и даёт чудотворный толчок к оживлению всего создания, к переходу его от граней кристалла к живым клеткам».

«Другие берега» Набокова насыщены шахматными символами и сравнениями, идеями ложных ходов возвращения на родину, горькой отравой воспоминаний об игре челове-

ских судеб на шахматной доске жизни. 1940 год... Много потеряно, впереди ещё много потерь и скитаний, «... можно было заметить, что отлетел кончик уха у одного из коней и основания у двух-трёх пешек чуть подломаны, как край гриба, ибо много и далеко я их возил, сменив больше пятидесяти квартир за мои европейские годы...».

В романе представлена лучшая задача автора – шахматная двухходовка, наполненная трижды ложными следами по превращению пешки в коня, есть три варианта решения и три дополнительных. На доске все фигуры белых. Два белых коня и два чёрных, в центре чёрный король. Конница держит под контролем стратегические точки, но ещё может быть пополнение! Однако ход белого слона даёт блестящее решение, закрыв движение пехоты с третьей линии.

Приходит поневоле аналогия в магическом калейдоскопе событий и лиц: три слога – Ро-сси-я, Пе-тер-бург, ро-ди-на, пи-са-тель...

Иллюзии отбрасываются, судьба определена, мечты остаются, хотя времени катастрофически не хватает, и это называется в шахматах – цейтнот.

Но восхитительным обманом – полётом бабочки, тихими ходами фигур – живёт искусство слова, создаётся прекрасное. Таково и моё ощущение.

*Есть тихий ход за шахматной доской,
найди его,
следи за ним,
он сделан скромно
медленной рукой:
то ход коня или ладьи.*

*И тихий ход есть
в мыслях и словах,*

*он некой тайною укрыт,
но в нём душа свободною права:
тот ход всей жизнью мне добыт.*

Рядом литература и шахматы, искусство едино. В композиции задач открыты огромные просторы для творчества: разновидность тем перемен – простая, произвольная, тема Рухлиса, тема чередования... Любимые темы Набокова в литературе – тема судьбы, её сложные ходы, темы смерти, родины, рая, славы, пошлости... Двухходовки, трёхходовки, многоходовки (один герой, два или более). Неэстетично – взятие ферзем фигуры, пассивность фигур, пустые ходы... Нужна ли фигура? Нужен ли герой? Вопрос деликатный, решает художественный вкус, чутьё автора.

В литературе также важны замысел, развитие сюжета, общая композиция, тема, концовка, развязка, эндшпиль. Лирическое стихотворение предельно кратко, но глубоко содержательно, в нём есть сложные смысловые и эмоциональные ходы, скрытые ассоциации, притяжения и отталкивания, метафоричность. Действие стиха разворачивается подспудно, незаметно, загадочно, развёртывается внутренне.

«Лирическое стихотворение представляет собой чаще всего сочетание отдельных мотивов, связанных некоторой общей темой» (Б. В. Томашевский). «Художественное произведение всегда результат сложной борьбы различных формирующих элементов – своего рода компромисс. Элементы эти не просто сосуществуют и не просто «соответствуют» друг другу. В зависимости от общего характера стиля тот или иной элемент имеет значение организующей доминанты» (Б. М. Эйхенбаум).

«Дыхание истинного искусства, освобождённого от всего того, что связано с нашей субъективной личностью, с радостной полнотой выражается в творчестве композитора: в его (единолично им созданной) задаче, в его этюде» (А. А. Алехин).

В одном случае – минимум художественных средств, иногда отсутствие тропов, в другом – ощущение простоты слова порождено силой чувства переживания. Развитие сюжета связано с главной темой, происходит переплетение различных мотивов, внутренний процесс стиха насыщается напряжением мысли и чувства, во многом познавателен и уникален. Борьба увлекательна и напряжённа, как и сама жизнь. Так мне видится:

*Турнир ведёт внимательно судья.
А кони белых зря не точат лясы,
в любую дырку сунутся мордасы:
им по душе манёвры, толчея!*

*Полна напором бешеным ладья,
умеющая делать выкрутасы
на поле шахматном. Боеприпасы
у всех истощены. Итог: ничья?*

*Изменит ход лукавая усмешка –
игрок уверенно бросает пешку
ферзью под ноги, словно сала шмат.*

*Своим слоном давление усилив,
он скоро, хода в два иль три от силы,
поставит королю зеркальный мат.*

Содержание лирики, хотя и основано на личном опыте, отрывается от автора и движется к абстракции и обобщению, становится интересным эмоциональным открытием, мыслью героя в связи с определёнными событиями и переживаниями. Концовка обычно имеет новый мотив, отличный от начального. Она может быть эффектна своей пустотой, тем самым прийти к известному рецепту, что покажет надуманность и

никчёмность переживаемого момента, нет открытия, волнения, полной отдачи, драматизма существования мира души.

Похожесть, неприкрытая бездарность, поддельная красота и привлекательность, претензия на остроумие и оригинальность, на глубину мысли, обволакивающая сентиментальность – это пошлость, она никогда не принимается эстетикой поэта, и здесь он главный борец за честное, правдивое и прекрасное в творчестве.

Законами красоты, уровнем художественного вкуса измеряется шахматный этюд и лирическое стихотворение, талант поэта. «Движенье рифм и танцовщиц крылатых есть в шахматной задаче», где цветное ощущение подобно расцветке крыльев разных бабочек. «Замри над веткою расцветшей, вдохни, какое разлилось – зажмурься, уменьшись и в вечное пройди украдкой насквозь». Мягкие «б», «п», «л», «з», «с» любимы поэтом, ими он играет, восторгается, вместе с ним и мы в плену русской живописной речи:

*Уйдём и этот сад оставим
и дождь, кипящий на тропях
между тяжёлыми цветами,
целующими липкий прах.*

*Так бабочка не шевелится
пластом на плесени ствола.*

благоуханно-блеклых библий...

На выгнутых стволах цветные тени тают...

*И люблю я, как льются под осень дожди,
и под пёстрыми клёнами пёструю слякоть.*

*Россия, звёзды, ночь расстрела
и весь в черёмухе овраг.*

*Ты любишь змей, тяжёлых злых узлов
лиловый лоск на дне сухой ложбины.
Ты любишь нежный шелест голубиный
вокруг лазурных, влажных куполов.*

Владимир Набоков мастерски передаёт глубокую печаль по «любви безнадёжной» – России, по её необъятной, бездонной красоте. Родина, Россия – главный мотив его творчества. Это сон, наваждение, видение, воспоминание, никогда не уходящее из памяти, вечно живое, обновляющееся. Многие стихи озаглавлены этим именем, святым и ненавистным. Образ – клубок противоречий, катящийся из прошлого в настоящее, постоянно не дающий покоя душе, терзая её и любя. Это не вьюга, а «это корчится чёрная Русь», «Ты – в сердце, Россия. Ты – цепь и подножие, ты – в ропоте крови, в смятенье мечты». Душа болящая – Россия – не может жить и вынести всего, когда «на чучеле свободы бессменной пошлости клеймо». Любовь и ненависть ведут поэта сквозь узорный жестокий мир. «В бою безысходном друга я утратил, а потом и родину мою». Реальная Русь, известная ему, знакомая и незнакомая – навсегда покинута, но она осталась прекрасной, и в нём нашлись великие силы «отчизну чистую любить и понимать». И потому «мечется твой ветер знойный в гудящих впадинах души».

Какую бы ни встретил в стихах «дивную мелочь», «где подкидывают соловьи цветные шарики созвучий», любовь к родному краю, цветущему в видениях раю, не оставляет поэта. Этим он живёт, мучается, дышит. Россия – рай, вот один из всеобъемлющих образов, всплывающий в сновидениях, цепляющий мёртвой хваткой сердце странника, истоки, бес-

конечно льющиеся чистые струи. Вечна родина, и поэт не отрывает себя, свою бессмертную душу и уверяет, что, «как через луг некошенный, дымящий, тебя в своё бессмертье унесу...». Провидец сказал: «...тень русской ветки будет колебаться на мраморе моей руки», «да будут злобные, пустынные сердца моими песнями лучистыми согреты...».

Аоническое обаяние гласных всю жизнь не давало покоя поэту. Пронзительны строки, где – гласные звуки «о», «а», «е», удивительное состояние души, тоска по родине, явь настоящего:

*И Дух стоокий, Дух могучий
восторг земли благославлял.*

*И в душу мне дышал бездонный
золотозвонный небосвод.*

*И в сердце радостном забилося
глубоким колоколом кровь.*

Нельзя не восхищаться его словосочетаниями с повторами звуков: «сад звёздный, звенящий», «берёзы грезили», «сумрак серый», «сквозная стрекоза», «в пустыне старинных страниц», «на пылких полках памяти», «волен выть на вершинах о ней», «... и зори, и звёзды, и радуги мая».

«Цветная спираль» поэзии раскручивается сложными эпитетами, созданными поэтом на грани тьмы и света, дня и ночи, полусвета, полупризнака. Определения выражают зрительные, слуховые, отчасти вкусовые ощущения, а также обонятельные и осязательные. Одного цвета качества – недостаточно.

Слова метафорически обозначают едва заметный признак, иллюзию новой краски, запаха. Мотив усиления признака постоянно присутствует в поэзии Набокова, гармонизируя в

едином образе разные качества, грани, чувства. Часто встречается в стихах – «алмазный», «янтарный», «трепетный», «алый». В них – чёткость, ясность, мощь русского языка, его неисчерпаемость и глубина. Отсюда рождаются: «огненное око», «розовое небо», «угольная яма», «злая река», «звёздный меч»... А вот и другие оттенки красок: «алмазно-чистые воды», «просветы пышно-голубые», «нежно-зелёный богомол», «берег женственно-отлогий», «бархатно-чёрная бабочка», «глухо-знойный», «сочно-чёрная весна», «жарко-рдяное вино»...

Набоков продолжает традиции русских поэтов, в частности, Баратынского, когда использует приставки НЕ, ПОЛУ: созвучья нерукотворные, незримая рука, звёзд непорочных, полупечальных, полугоночный. В стихах нет сложных метафор, многоярусности.

Сравнения своеобразны, необычны, он верен своему стилю, отрицая нарочитое морализаторство, соборность, общее место. И в жизни верен своей судьбе – без родины, без своего дома, в гостинице и в ней номер 64.

А сравнения великолепны: «лужи, как фиалки»; «феина дочь – влюблённый жучок»; «кипарисы, как монахи»; «ангелом реет сиреневый дым»; «душа моя, как птица белая»; «гость – белый великан»; «тучка вогнутая, словно мокрый белый лепесток». Почему именно белый? Это – и чистота, незамазанность, незапятнанность памяти, сложность. Неповторимы сравнения, наполненные конкретикой быта: «месяц – лимона ломтик в чашке чая»; «месяц, синеватый, как кровоподтёк»; «как на бархате мука, седеет пыль на кипарисах»; «так в плащ короткий божественный запахивался гром» (о Шекспире). Поэт всегда подчёркивал значение последнего слова, стиха, строки, не ЧТО, а КАК сказано. Он ценил в слове прозрачность, точность, цвет. Ему претит пошлость,

повторение чужого опыта, псевдопривлекательность. Мир един, поэтому в эпитетах нет противопоставлений. Стихотворению, считает поэт, необходима фабула. О лирическом переживании, о пустяке надо рассказывать «увлекательно, как о путешествии в Африку». «Стихотворение – занимательно, – вот ему лучшая похвала». Рифма всё-таки создана для слуха, а не для глаза. В стихах всё должно двигаться к неизбежной и гармонической развязке. Где только настроение – такие стихи случайны, недолговечны, как и само настроение. Они должны быть интересны, своя завязка и развязка, «читатель должен с любопытством начать и с волнением закончить». Его любимый размер, как он признавался – анапест. Он – за поэтическую певучесть стиха, склонен больше к поэтике, где тема, её мистический центр, находится вне первоначального постижения, она как бы за окном, воет в трубе, шумит в деревьях, окружает дом... У того дар, кто увидел необыкновенную подкладку жизни, её волшебство и странность.

Таков Набоков, поэт, «в бою случайном ангелом задетый», его «быстролётная песня». Честь и жизнь, своё творчество, «качели слогов равномерных» он «взвесил на пушкинских весах».

«На пыльных полках памяти» остаются не самые лучшие поэты, не тираны, не лавровые веники общего супа, а «объясненье жизни всей, остановившейся, как поезд в шершавой тишине полей». Мир у него – не борьба классов, не череда хищных случайностей, а «мерцающая радость, благостное волнение, подарок не оценённый нами». Виден твёрдый стиль поэта в последние годы жизни – игра цезурами, музыка анафор, вставки лирики в прозе, строфические переносы, раскатистость слова, медленное, державинское, движение строки-периода, сосредоточенность чувств. Его поэзия – отчаяние, «молния боли жестокой», «смертное чувство любви».

За шестьдесят с лишним лет писательской работы Владимир Владимирович Набоков написал более пятидесяти книг. Наследие его огромно: романы, повести, рассказы, переводы, драмы. Романы – в основном на английском языке, поэзия преимущественно на родном русском. Его творчество принадлежит в первую очередь двум культурам – русской и американской. Это поэт невстречи, который «Россией всегда окружён».